

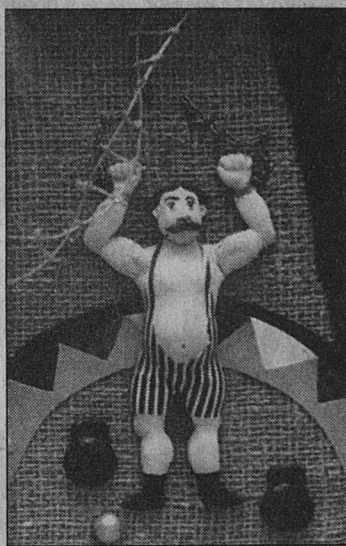
Наташкина улица

Культура. - 2000. - 25-31 мая. - С. 7
Драматическая судьба уличной художницы

В моей коллекции народного искусства есть вещи, мгновенно вызывающие в памяти образы мастеров. И вот что удивительно: чем прекраснее, самобытнее и теплее эти изделия, тем драматичнее судьбы их создателей. Взгляну на игрушечную "Вятскую ярмарку" Кировского уельца Валерия Жигальцева, на его совершенно живую "Баню" — и вспоминаю ночной звонок из Кирова: "Валера отравился спиртом". Любуюсь фантастическими котами, птицами, слонами псковского сельчанина Василия Дмитриева — и как наяву вижу его, веселого и хмельного, с заливистой "хромкой" в руках. Возвращался в Пасху из соседней деревни, упал в ручей — и захлебнулся.

Что касается московской мастерицы Натальи Зобковой, искусство которой пленяло даже выдавших виды знатоков, тут уж вся жизнь — трагедия. Когда я с ней познакомился, ей было уже далеко за тридцать, но все звали ее Наташкой. Она была вот именно уличная, то есть своя, народная, веселая, озорная, с детскими, чуть косящими глазами, с ямочками на щеках, пухленькая, ладная... И, без всякого сомнения, являлась "гвоздем" народной ярмарки, что и нынче шумит на Крымском валу, у подножия Центрального дома художника. Только теперь уже без Наташки.

Говорят, когда она в первый раз пришла на эту ярмарку со своим товаром, возле нее сразу образовалась толпа. Прочие умельцы и корабейники с завистью наблюдали, как лихо и азартно торгует новенькая. "Наш Игнат — у всех нарасхват. Потому что у Игнашки — душа нараспаху!" — сыпала она, выставляя живописнейшие рельефные картинки в рамках, на которых ее Игнат — ярмарочный фокусник и пройдоха, обаятельный, белокурый (либо жгучий брюнет) и ужасный фант, соседняя за праздничным столом, уставленным всевозможными яствами, увенчанным самоваром, с которого свисали золотистые ожерелья из баранок, ублажал нарядных полногрудых девиц. Забавный этот персонаж, кочевавший из картинки в картинку, с одного стола за другой, перебегающий из одного алькова в следующий, был любимым, но отнюдь не единственным героем мастерицы. На Наташкиных "ярмарках" встречал я силача Бамбулу, равшего железные цепи, Алешушку, ткущую приданое для свадьбы, Бабу Ягу, распивающую чай с Кошечем... Главный же секрет этих самобытных и по-своему неповторимых творений заключался в том, что все персонажи, все убранство "картинок" сочиня-

лось из обычного теста. А впрочем, из теста необыкновенного. Ибо ни одна из мастериц, пытавшихся подражать Наташке, не могла постигнуть ее рецепта, благодаря которому все, что она лепила, получалось удивительно жизненно, органично, изычно... И так крепко, что, казалось, сделано из камня.

Кто, где учил Наташку ее художествам? Вскоре я узнал, что никто и нигде. Она росла в детском доме, кое-как окончила школу, откуда ее не раз выгоняли за "странные" выходки: то она приходила в класс с расписанным красками лицом; то, оставшись после уроков, расписывала стены класса сценками из народной жизни... Она была природным художником. Потому, вероятно, и не пошла в художественное училище. Из детского дома ушла прямо "в люди", вполне довольствуясь случайными заработками: в частности, писала для кооперативных артелей и магазин-

чиков яркие вывески а-ля Пиромани, не подозревая, что такой художник жил на свете и даже был знаменит. И уж совсем не представляла, что скоро тоже станет знаменитой — правда, в своем, узком кругу, среди таких же, как и сама, уличных художников и подобных мне "сумасшедших" коллекционеров.

Так Наташка звала меня, считая явно ненормальным за то, что покупал практически все, что она сочиняла.

Завидев меня, она бросала всех своих покупателей, радостно крича: "Вот пришел сумасшедший! Коли он не возьмет — тогда вы берите". Если же у меня не оказывалось денег, приставала: "Ты мне только скажи — нравится?" И, уяснив, что нравится, отдавала даром, махнув рукой: "Сочтемся".

О ее личной жизни я до поры ничего не знал. По натуре открытая, Наташка не казалась своего жителя-бытия. Казалось, все ее существо только здесь, на ярмарке, здесь ее родной дом, здесь ее друзья и подруги, с которыми она торговала, делила кусок хлеба, распивала бутылочку-другую. А ведь где-то был дом, в котором она жила, растила дочку, мастерилла свои "картинки". Как-то я ее спросил: "Ты замужем?" Она засмеялась: "Как же я дочку родила? Но я за мужа не держусь, позовешь — за тебя выйду". А после этого вдруг исчезла. Бывая на ярмарке, я спрашивал о Наташке у ее товаров. Отвечали, мол, лежит в больнице. Что с ней, сколько пролежит, неизвестно. Между тем у меня появились другие увлечения, я заглядывал на ярмарку все реже и реже...

Прошло два года. Я снова отправился на ярмарку. Наташку не нашел. Но встретил корабейниц, торговавших картинками, сделанными "под Наташку". "Как зовут этого малого?" — спросил я, указывая на бледную тень молодца, которого моя Наташка звала Игнатом. — "Зовут Егор — на руку скор", — бойко отвечали мне. — "А Наташку не видели? У которой Игнат — у всех нарасхват?" — "Слышали. Да ведь умерла она, от рака умерла. Осталась маленькая дочка. Кто-то из здешних мастериц взял ее в семью".

От мастера-резчика я узнал: в помощь Наташкиной дочке уличные художники создали своего рода благотворительный фонд, который здесь, на ярмарке, называют просто "копилкой". А тот ряд, из которого Наташка зазывала покупателей, прозвали Наташкиной улицей.

Леонид ЛЕРНЕР